

ЖАНР ЖЕСТОКИЙ РОМАНС КАК ЯРКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КИТЧА В БЕЛОРУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

В статті мова йде про жанр жорстокого романсу, який ще недосліджено на території Білорусі. Дослідження здійснено на основі аналізу архівних і особисто вибраних матеріалів жорстокого романсу (3835 текстів) в Білорусі.

Ключові слова: жорстокий романс, китч.

В статье речь идет о жанре жестокого романса, который еще не исследован на территории Беларуси. Статья подготовлена на основе анализа архивных материалов жестокого романса (3835 текстов) в Беларуси.

Ключевые слова: жестокий романс, китч.

The article deals with the genre of severe romance.

Key words: a severe romance, kitch.

Жестокий (или мешанский) романс, несмотря на прохладно-ироничное отношение со стороны большинства исследователей, имеет широкую популярность до сих пор в среде сельских жителей, которые слышали эти песни ещё от своих матерей и бабушек в начале XX века. Этот жанр легко узнаваем. Его отличает от всех традиционных фольклорных жанров смесь русского и белорусского языка (трасянка), тематика (сентиментальные, слезливые сюжеты не могут оставить равнодушным слушателя), эмоциональные подачи (как будто рассказчик поведывает личный случай, который произошёл с ним или его близкими), подмена ценностей (художественных ценностей утилитарными), простота и доступность.

Возникает вопрос: почему же песни жанра жестокий романс очень быстро нашли своего исполнителя и слушателя, оттеснили подлинно народную песню и уже больше чем столетие (с конца XIX века до настоящего времени) популярны и любимы?

«Тривиальность содержания не требует никаких усилий от зрителя, а необычная форма создаёт у него ощущение причастности к чему-то исключительному, иллюзию соприкосновения с чем-то «ужасно смелым», часто «запретным», «подпольным», выходящим за пределы серых будней» [1: 279]. Эта цитата взята из энциклопедического определения понятия «китч». Но очень точно подходит под описание жанра жестокий романс. Китч нашёл приложение в разных сферах искусства (литература, изобразительное искусство, кино, музыка). В фольклоре китчем можно считать жестокий романс. Китч может внешней яркостью привлечь широкого потребителя, но никогда не будет иметь черт настоящего искусства. Как и разные криминальные, трагические события (а порой, просто «сплетни») имеют особенность распространяться быстро, накапливать в себе, как снежный ком, порой не существующие подробности, так и жестокий романс возник, разросся и распространился повсеместно на всей территории Беларуси. Простые люди, портя свой вкус, признали эту дешёвую «экзотику» и нередко, к сожалению,

не отделяют её от своей исконной песни, сопереживают героям, принимают суррогат за подлинное искусство.

Жестокий романс стал лёгким для восприятия, популярным и очень жизнеспособным жанром. «Хулители жестокого романса, ревностно оберегавшие традиции фольклора, как устно-поэтического творчества трудового народа, предприняли несложный идеологический маневр: романс был изъят из рабоче-крестьянского обихода и переадресован мещанству» [2: 84], его часто называют мещанским. «В психическом облике мещанства, наименее культурного общественного слоя, существенная претенциозность – стремление казаться богаче, значительнее внутренним содержанием, чем это есть на самом деле» [3: 238], что также вполне поддерживает такое название. И действительно, по происхождению этот жанр возник после отмены крепостного права в капиталистическом городе как проявление городской массовой культуры, и его прародителем является городской романс. Но в данной ситуации, а происхождение не дало этому жанру осесть в городе, среда бытования и явилась подлинным показателем принадлежности этого жанра к фольклору. Легко сменились художественные ценности и глубина, присущие городскому романсу на грубые эмоции, фарс, дешёвую пошлость. Романтизм превратился в слезливую сентиментальность. Лёгкий флирт и любовная игра – в обман, трагедию, расчёт, месть. В этом случае можно говорить о «китч-мышлении» [1: 278], которое предполагает чувство доступности и лёгкости, на первый взгляд, якобы сложных вещей. Тем не менее, жестокий романс тиражировался, благодаря вошедшему в быт горожан граммофону, и в 1911 году было выпущено около “180 названий” [2: 85] песенников жестоких романсов в России. В начале XX века распространителем жестоких романсов являлась эстрада, которая была подчинена вкусам и потребностям широких трудовых масс. Российские исполнители таких песен были взрощены на традициях народной культуры, так как были в основном из народа: Анастасия Вяльцева, Наталья Бабичева, Надежда Плевицкая и др. Эти исполнители, благодаря голосу, неподдельной искренности, артистизму, теплоте, собственному обаянию, талантливо подавали жестокие романсы публике, а та, в свою очередь, уносила их в своём сердце, добавляя и делая “народными”, распространяя по близлежащим регионам.

Очень банально и смешно воспринимаются сюжеты жестоких романсов искушенным современным слушателем. “Никогда, пожалуй, вкусы интеллигенции и народа не расходились так резко: в то время как образованные барышни смеялись над страстями жестокого романса, русские девушки из “простого народа” заливались неподдельными слезами” [2: 89]. Нам и сейчас непонятны терзания и трагические развязки любовных историй, которые рассказывают исполнители.

Но если внимательно посмотреть “криминальную хронику” [6: 491] в современных телевизионных программах и новостях – можно легко увидеть разнообразную палитру классификации сюжетов жестоких романсов (убийство, самоубийство, инцест, суд, тюрьма, побег, обман, предательство близких и любимых, месть, брак не по любви и т.д.):

Разгарзэлася кроў у грудзі маладой,

Каця ножык у грудзі ванзіла:

“За ізмену тваю, што ты бросіл, падлец,

І за всё я тебе атамсціла.” [4: 19]

Или: Страшно Вовочцы показалосо
Прэд убітою мёртвой сем'ёй.
Сердцэ Вовочки разорвалосо,
Так погібла сем'я тых людзей. [4: 88]

А если живы такие житейские истории, то, следовательно, находятся и те, кто этим сюжетам сопереживает (потребитель), и те, кто их собирает и тиражирует (автор). «Они дают массовому потребителю то, что он в глубине души давно хочет увидеть, с полным набором штампов, хорошо испытанных атрибутов» [1: 279]. Это и обеспечило таким «произведениям» небывалый успех. Возникает неразрывный тандем: исполнитель–слушатель, которые и существуют друг для друга. Так и в конце XIX века на потребу дня возник новый, очень модный, актуальный, смелый жанр - жестокий романс. Это, конечно же, не искусство, а подделка под него, выход за границы народной эстетики, максимальное преувеличение страстей, – китч, «китч однозначен: он не ставит вопросов, а содержит только ответы, заранее приготовленные клише» [5: 20]. В жестоких романсах можно найти описания интерьеров, самых модных гардеробов того времени, которые очень сильно отличаются от традиционной одежды крестьян:

Круглаліца, губкі банцікам
Прынапудрана была слегка,
Шляпа чорная з кропным банцікам.
Так прылічна адзета была. [4: 357]
Или: Цыліндра от сонца сверкает.
Одзевшы свой белый косцюм,
Па летняму саду гуляя,
Я встrecіл дзвечонку адну. [4: 231]

Но простой народ очень любит такие песни, и как бы они не назывались – жанром жестокий (или мещанский) романс, китчем в искусстве, - в них воспевается и возносится главное – любовь. В них не осуждаются те, кто любит, даже если они способны на подлость и убийство, полностью отсутствует социальная критика, если любовь рушится, теряется смысл самой жизни. Исполнительницы таких песен как бы возвращаются в свою юность, к былым переживаниям, снова погружаясь в мир грёз, надежды, мечты. А как красиво, поэтично, неравнодушно и с нежностью, называют они свои песни: “жалючымі, слязлівымі, разлучнымі, душэраздзірацельнымі, праўдзівымі жаласлівымі, перажывацельнымі, даўняшнімі, мілымі, любезнымі, слязлівымі, страдацельнымі, сардэчнымі, душэўнымі”.

Жестокий романс пришел внезапно и существенно потеснил народную песню, став по своей сути проявлением музыкального и поэтического фольклора, потому что в нём отображается действительность в образах, созданных поэтическим словом. Фольклор сопровождал (и сейчас сопровождает) человека всю его жизнь. Так и жестокий романс сопровождает нас уже больше века. В этом жанре можно выделить все признаки фольклора: анонимный способ возникновения, коллективность, устная форма бытования, специфические художественные средства, которые отличают жестокий романс от ав-

торских произведений, вариантность, импровизация. Как и в фольклоре, народные поэты создают в жестоких романах образы, отличающиеся точностью, естественностью, доступностью, совершенностью. В текстах широко используются эпитеты, сравнения, метафоры, аллегории, гиперболы (сюжетные и психологические), интонационно-синтаксические средства. Пламенные страсти нагнетаются до предела и сопровождаются мелодией “с грубо подчеркнутой, примитивной логикой изложения” [3: 237].

Таким образом, несмотря на всю свою простоту и неказистость, жестокий романс поражает и впечатляет, а порой пугает и смешит слушателей, к нему нельзя остаться равнодушным, а как самый яркий представитель китча в белорусском фольклоре, он живёт и востребован до сих пор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власов В.Г. Стили в искусстве / В.Г. Власов // Словарь. «Кольна», Санкт-Петербург, 1995. – Т. 1. – С. 672.
2. Костюхин Е.А. Жестокий романс в контексте русской культуры / Е.А. Костюхин – «Русская литература» № 3, «Наука», Санкт-Петербург, 1998г, С. 84.
3. Кулаковский Л.В. Песня. Её язык, структура, судьбы / Л.В. Кулаковский // М., 1962. С. 237.
4. Кукрэш, А.М. Жорсткі раманс / А.М. Кукрэш. – Мінск : “Кнігазбор”, 2010. – 435с.
5. Дмитриева Н. Китч / Н. Дмитриева. Искусство и массы в современном буржуазном обществе // М., Сов. Композитор, 1979. С. 20–25.
6. Беларускі фальклор: Энцыкл.: У 2 т. Т. 1 / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў і інш. – Мінск: БелЭн, 2005. – С. 491.

УДК 8Р1.3 - 9

Морозова Н.Г.
(Новосибирск, Россия)

«ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ МОСКВЫ» Н. М. КАРАМЗИНА: ЖАНРОВЫЕ ТРАДИЦИИ ТРАВЕЛОГА

Стаття присвячена аналізу особливостей жанру тексту «Подорожі навколо Москви» Н. М. Карамзіна.

Ключові слова: *травелог, жанр, літературна традиція.*

Статья посвящена анализу особенностей жанра текста «Путешествия вокруг Москвы» Н. М. Карамзина.

Ключевые слова: *травелог, жанр, литературная традиция.*

The article is dedicated to the features of the text's genre “Travellings around Moscow” by N. M. Karamzin.

Key words: *travelog, genre, literary tradition.*

© Морозова Н.Г., 2011